

О СОВЕРШЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ *).

Въ настоящемъ собраніи я намѣренъ остановить ваше просвѣщенное вниманіе на одномъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ христіанской морали, именно на вопросъ о сущности христіанскаго настроенія.

Прошло почти 2000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ на землю Сынъ Божій, чтобъ, чрезъ ниспосланіе Св. Духа, дать людямъ новую жизнь, положить въ сердца людей новое сѣмя новой благодатной, совершеннѣйшей жизни. Въ основу этой новой жизни, жизни истинной и совершенной Онъ положилъ любовь. „По тому узнають всѣ, что вы Мои ученики, *если будете имѣть любовь между собою*“ (Іоан. XIII, 35). Согласно словамъ Христа, высказаннымъ въ его первосвященнической молитвѣ, христіане должны составить одно нераздѣльное, тѣсное общество, полную любви и единенія Церковь, одно живое тѣло Христово. Въ истинной Церкви Христовой должно быть единеніе въ мысли и чувствахъ, такое тѣсное общеніе членовъ ея, при которомъ въ преимуществахъ высшихъ и болѣе совершенныхъ участвуютъ низшіе, а недостатки и страданія менѣе совершенныхъ и несчастныхъ болѣзненно чувствуются первыми, какъ свои собственные. Въ томъ царствѣ благо-

*) Лекція, читанная въ Тобольскомъ общественномъ собраніи 7 марта с. г. въ пользу церковно-приходскихъ школъ.

дати, гдѣ въ основу человѣческой жизни положена Христомъ любовь, нѣтъ мѣста чьимъ-либо эгоистическимъ интересамъ: истинный христіанинъ живетъ жизнью ближнихъ, радуется ихъ добродѣтелями, плачетъ и скорбитъ объ ихъ несовершенствахъ и паденіяхъ. Истинный христіанинъ, проникнутый глубокою духовною любовію, не ощущаетъ подвига, когда страдаетъ, плачетъ, печется о своихъ ближнихъ; въ его душѣ нѣтъ внутренней борьбы, нѣтъ взрывовъ самолюбія и себялюбія, въ ней царитъ лишь „радость и миръ о Духѣ Святомъ“ (Рим. XIV, 17). Лучшимъ, хотя и слабымъ, подобіемъ истинно-христіанской духовной любви въ жизни естественной, въ жизни обыденной можетъ служить любовь матери къ своему ребенку, такъ какъ эта любовь, при всей ея непосредственности, соединяется въ нѣкоторой степени съ сознательностью и свободой. Мать не чувствуетъ борьбы въ себѣ самой, не ощущаетъ подвига, когда, въ заботахъ о своемъ ребенкѣ, проводитъ безъ сна цѣлыя ночи, не ѣстъ, не пьетъ и страдаетъ о немъ. Ея жизнь въ данномъ случаѣ сливается съ жизнью ребенка; ея заботы о своемъ дѣтищѣ носятъ характеръ непосредственности, съ какою она раньше, не будучи еще матерью, заботилась о самой себѣ*) Такъ и истинный христіанинъ, проникнутый святою любовію, позабываетъ свое собственное существо, оставляетъ его, какъ бы страхиваетъ съ себя, отрекается отъ него и на мѣсто этого изгнаннаго эгоистическаго „я“ ставитъ своего ближняго и переноситъ на него, но въ сильнѣйшей степени, всю ту нѣжность, которую человѣкъ обыкновенно тратитъ на самого себя. Истинный христіанинъ живетъ не для себя, а для ближнихъ своихъ, и ближнимъ своимъ считаетъ cadaго человѣка, — всякаго, кто носитъ образъ Божій. О той пресловутой и дикой „любви къ самому себѣ“, о которой распространяются западные богословы, а за ними и наши духовные писатели у истиннаго христіанина не можетъ быть не только рѣчи, но даже и мысли. Истинный христіанинъ, — скажемъ словами преп. Нила Синайскаго — „всякаго человѣка считаетъ какъ бы богомъ послѣ Бога и въ каждомъ видитъ самого себя“ (**). Душа его всегда связана съ душами ближнихъ, и онъ чувствуетъ ихъ скорби, ихъ грѣхи, ихъ нужды, какъ свои собственные. Такимъ былъ, напр., великій апостоль Павелъ, который въ посланіи къ Галатамъ, подобно сердобольной матери, воскли-

*) Антоній еп. Волын. Полн. собр. соч., II т., стр. 301.

***) Добролюбіе въ русск. пер., II т., стр. 222.

цаль: „дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ“ (Гал. IV, 19). Въ другомъ мѣстѣ онъ, радуясь доблестямъ христіанъ, какъ бы своимъ собственнымъ, убѣждаетъ ихъ: „итакъ, братія мои возлюбленные и возделанные, радость и вънеиз мой, стойте такъ въ Господѣ, возлюбленные (Филип. IV, 1). Изображая свои чувства къ слушателямъ его проповѣди, онъ говоритъ: „уста наши отверсты къ вамъ, Коринѳяне, сердце наше расширено; вамъ не тѣсно въ насъ“ (2 Кор. VI, 11). „Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. Израильтянъ“ (Рим. IX, 3). Вотъ до какой степени разгаралась въ его сердцѣ любовь къ его ближнимъ! Горя подобною любовію, христіанинъ обнимаетъ духомъ своимъ все человѣчество: его молитва охватываетъ всѣхъ людей—добрыхъ и злыхъ. „Тѣми, которые сподобились сдѣлаться чадами Божиими,—говоритъ преп. Макарій Египетскій,—и имѣютъ въ себѣ просвѣщающаго ихъ Христа, различно и многообразно управляетъ Духъ:.... иногда въ плачѣ и сѣтованіи слезно молятся они о спасеніи *всѣхъ людей*, потому что, горя божественною духовною любовію къ людямъ, воспріемлютъ на себя плачъ цѣлаго Адама, а иногда, при услажденіи духа, неописуемомъ словами, возгораются такою любовію, что, если бы можно было, *всякило чловѣка сердобольно укрыли-бъ они въ собственномъ лонѣ своемъ*, не дѣлая никакого различія между худымъ и добрымъ“ *). Прекрасно изображены дѣйствія христіанской любви къ ближнимъ у преп. Симеона Новаго Богослова. Говоря о богоподражательной любви, преп. Симеонъ представилъ намъ трехъ подвижниковъ, которые достигли такого совершенства въ любви къ ближнимъ, что всецѣло слились съ ними въ своемъ сознаніи въ одно существо. Упомяная объ одномъ изъ такихъ подвижниковъ, преп. Симеонъ замѣчаетъ: „и видѣлъ я его иногда плачущимъ о комъ-либо, иногда же рыдающимъ о другомъ, а иногда ради кого-либо біющимъ себя въ лицо и грудь: ибо онъ принималъ на себя лицо согрѣшившаго словомъ и дѣломъ и считалъ себя, *какъ будто онъ былъ тотъ самый, сотворившій зло*, и исповѣдался Богу, принадая Ему и горько плача“. Другой былъ подобенъ первому въ любви: „и видѣлъ я,—говоритъ преп. Симеонъ,—другого, который столько радовался о преуспѣвающихъ и подвизающихся, и такъ похвалялся ихъ успѣхами,

*) Макарій Егип. Духовныя бесѣды. М. 1852 г., стр. 565.

что можно было подумать, будто самъ онъ получитъ награду за *ихъ добродѣтели и труды и даже болѣе, нежели они*; о тѣхъ же, которые согрѣшали словомъ или дѣломъ и пребывали во злѣ, онъ столько скорбѣлъ и стоналъ, какъ будто онъ одинъ поистинѣ долженъ за *всѣхъ ихъ* дать отвѣтъ и подвергнуться истязанію и мукѣ“. Наконецъ, третій подвижникъ, котораго удостоился видѣть преп. Симеонъ, былъ такъ полонъ любви ко всѣмъ ближнимъ своимъ, что желалъ общаго всѣмъ спасенія. „Видѣлъ я, — повѣствуетъ преп. Симеонъ, — и иного, который такъ поощрялъ спасеніе своихъ братій и желалъ сего, что часто съ теплыми слезами отъ всей души молился человеколюбцу Богу, чтобы — или и тѣмъ съ нимъ спастись, или же (и ему съ ними быть осужденнымъ, а себѣ одному онъ даже и не желалъ спасенія, побуждаемый богоподражательною и моисейскою любовію: ибо онъ связался съ ними во Святомъ Духѣ святою любовію, а разлучившись съ ними, даже не хотѣлъ войти въ самое Царство небесное“. Глубокая сила этой живой богоподражательной любви, которою исполненъ былъ сей третій старецъ, побудила преп. Симеона воскликнуть въ священномъ восторгѣ: „О святой союзъ! О неизреченная сила! О душа, исполненная небесной мудрости или — лучше сказать — богоносимая и достигшая совершенства въ любви къ Богу и ближнему“ *).

Полнота святой любви, царящей въ сердцѣ истиннаго христіанина, изливается на всѣхъ людей, а избытокъ ея простирается и на животныхъ и даже на природу неодушевленную. Извѣстный русскій писатель (Достоевскій), постигшій если не сердцемъ, то творческой силой ума своего истинный духъ святой любви христіанской, заставляеть одного изъ своихъ героевъ, старца Зосиму, говорить въ поученіи такія слова: „Братья! не бойтесь грѣха людей; любите человека и во грѣхахъ его, ибо сіе ужь — подобіе божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе — и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовію. Животныхъ любите: имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не воз-

*) Пр. Симеона Н. Богослова. Слова. М., 1869 г., стр. 42—43.

мучайте же ея, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись надъ животными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ гноишь землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный оставляешь послѣ себя... Дѣтокъ любите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердець нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Боре скорбившему младенца (*).

Полный возвышенной, чистой, святой любви, христіанинъ *ведетъ и во всемъ своими чистыми очами видитъ любовь.* Это высокое христіанское настроеніе прекрасно изображено однимъ изъ нашихъ поэтовъ (Ал. Толстымъ) въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Меня, во мракѣ и пыли

Земли влачившаго оковы,

Порывы духа вознесли

Въ отчизну пламени и слова.

И съ горней выси я сошелъ

Обвѣянъ весь ея лучами.

И на волнующійся долъ

Взираю новыми очами.

И слышу я, какъ разговоръ

Немолчный всюду раздается,

И сердце каменное горь

Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,

Съ любовью въ тверди голубой

Клубятся медленные тучи,

И подъ древесною корою

Съ любовью въ листья сокъ живой

Струей подьѣмлетя пѣвучей.

И въ щемъ духомъ понялъ я,

Что все, рожденное отъ Слова,

Души любви бругомъ лія,

Къ Нему вернуться жаждеть снова,

И жизни каждая струя,

Любви покорная закону,

Стремится силой бытія

*) Достоевскій. Братья Карамазовы. Изд. 1895 г., т. XII, ч. 1, стр. 379. II (*)

Неудержимо къ Божью плону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И во всѣхъ мірахъ одно начало,
И нѣтъ на свѣтѣ ничего,
Что бы любовью не дышало.
Одушевленный любовью ко' всѣмъ и всему, христіанинъ смотритъ на природу съ любовью, съ цѣльнымъ чувствомъ и сознаниемъ, подобнымъ ски, но Божьи, не разбѣгаясь во всѣ стороны, а всецѣло отдаваясь ей, вглядываясь въ нее, — и каждый листокъ деревца, каждый крохотный цвѣточекъ, каждая былинка, травка сіяетъ для него такой лучезарной, живой красотой; обладаетъ его такимъ тепломъ и свѣтомъ жизни, такимъ изяществомъ cadaго изгиба и cadaго тона, что ему открывается во очю рай. Такой христіанинъ переживаетъ то высокое, неземное, божественное состояніе, въ которомъ находился Христосъ, когда всю славу Соломона повергъ ницъ, предъ незамѣтнымъ полевымъ цвѣткомъ (Мф. VI, 29). Такое настроеніе христіанина изображено въ прекрасныхъ стихахъ нашего поэта, Ал. Толстого (изъ поэмы: „Іоаннъ Дамаскинъ“):

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей — нищій — я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу съ вмѣстѣ съ вами слить!
О, еслибъ могъ въ свои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Даже и тогда, когда полный такой любви христіанинъ поселяется въ мрачной пещерѣ, сырой и угрюмой келіи, онъ не забываетъ при-

роды—этой дивной, живописной Библии. Оставляя временами свое уединенное жилище, онъ отдаетъ свое глубокое вниманіе всему окружающему его живому, всему около него существующему, созерцаетъ во всемъ этомъ бытіи безначальнаго Творца и Хранителя міра, „возвышаясь,—какъ сказалъ преп. Симеонъ Новый Богословъ, — отъ твореній къ Творцу и удивляясь Ему, а не служа твари паче Творца“^{*)}). Онъ, дѣйствительно, не служитъ, не порабощаетъ себя твари: на всѣ предметы въ мірѣ онъ смотритъ не какъ на средства къ роскоши и утонченной культурной жизни. Но, наоборотъ, видитъ своими духовными очами всю природу въ новомъ, просвѣтленномъ, одухотворенномъ видѣ. Онъ избѣгаетъ даже мысли объ эгоистическомъ, утилитарномъ отношеніи къ природѣ, объ истребленіи и разрушеніи ея предметовъ и объ обращеніи ихъ въ предметы безсмысленной роскоши и удобства. Созерцая своимъ чистымъ духовнымъ окомъ богозданную природу, входя своимъ умиротвореннымъ сердцемъ въ свѣтлое бытіе, онъ въ томъ, что иному кажется мертвымъ, безжизненнымъ, видитъ сокрытую внутреннюю жизнь; въ нѣмомъ онъ слышитъ чудные небесные глаголы; въ томъ, что представляется иному случайнымъ и механическимъ, находитъ дивную гармонію и высшій смыслъ. Такое отношеніе къ природѣ онъ можетъ выразить прекрасными стихами русскаго поэта (А. Толстого):

(Мнѣ) въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа...

И вотъ, когда, при созерцаніи природы, у христіанина „выше просится душа“, то онъ, вознося хвалу Творцу, въ полнотѣ любви своей, соединяется сердцемъ своимъ со всей природой, и къ безсловеснымъ обращается, какъ къ разумнымъ, къ неодушевленнымъ, какъ къ живымъ, всѣхъ призывая, подобно вдохновенному царю и пророку, принять участіе въ восторженномъ гимнѣ Всевышнему Богу (Псал. СXLVIII, 1—4, 7—10):

^{*)} Симеонъ Нов. Бог. Слова. М. 1892 г., II вып., стр. 389.

Хвалите Господа съ небесъ,

Хвалите Его въ вышнихъ!

Хвалите Его вси ангели Его,

Хвалите Его вся силы Его!

Хвалите Его солнце и луна,

Хвалите Его вся звѣзды и свѣтъ!

Хвалите Его небеса небесъ

и вода, яже превыше небесъ!

Хвалите Господа отъ земли змиеве

и вся бездны: огонь, градъ, снѣгъ,

голотъ, духъ бурень, творящая волю Его,

горы и вси холми,

древа плодоносна и вси кедри,

звѣрие и вси скоти,

гади и птицы пернаты!

Подобно тремъ отрокамъ еврейскимъ, онъ приглашаетъ не только предметы, но и явленія природы благословить, воспѣть и превознести преславнаго и прехвальнаго Господа Бога во вѣки (Дан. III. 52—90) И не только призываетъ онъ эту природу подвигнуться на хвалу Богу, но и молится объ этой твари. Сердце его полно такой любви, настолько расширено, что истинный христіанинъ возноситъ молитву къ Богу о всѣхъ людяхъ—ближнихъ и дальнихъ, добрыхъ и злыхъ, о всей твари—до послѣдняго гада, пресмыкающагося по землѣ, и молится даже—о комъ? объ исконныхъ врагахъ истины, демонахъ!.. „Что есть сердце милующее?“—спрашиваетъ св. Исаакъ Сиринъ и отвѣчаетъ: „Возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при возрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце его и не можетъ оно вынести—или слышать, или видѣть какого-либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ со слезами ежечасно приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы, а также и объ естество пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безмѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семъ Богу“.*)

*) Исаакъ Сиринъ. Творенія. Серг.—Пос. 1893 г., стр. 209.

Полный такого умиленія и всепрощающей, снѣдающей любви, истинный христіанинъ, уподобляясь любвеобильному Богу, не можетъ не только воздавать зломъ за зло, но не можетъ и вообще относиться къ людямъ соотвѣтственно ихъ поведенію: онъ не можетъ быть судьей своихъ ближнихъ, онъ только любитъ ихъ; однихъ любитъ радостною, восторженною любовію, другихъ — любовію, проникнутою безмѣрною печалію и жалостію. Любовь и милосердіе у человѣка, по ученію того же богоноснаго отца, несовмѣстимы съ правосудіемъ: „Милосердіе и правосудіе въ одной душѣ тоже, что человѣкъ, который въ одномъ домѣ поклоняется Богу и идоламъ. Милосердіе противоположно правосудію. Правосудіе есть уравниваніе точной мѣры, потому что каждому даетъ, чего онъ достоинъ и при воздаяніи не допускаетъ склоненія на одну сторону, или лицепріятія. А милосердіе есть печаль, воздуждаемая милостію, и ко всемъ сострадательно преклоняется: кто достоинъ худаго съ нимъ обращенія, тому не воздаетъ зломъ, и кто достоинъ добраго воздаянія, того преисполняетъ съ избыткомъ. И если въ одномъ (т. е. милосердіи) есть часть справедливости, то въ другомъ (т. е. въ правосудіи) есть часть худаго. Какъ сѣно и огонь не терпятъ быть въ одномъ домѣ, такъ правосудіе и милосердіе — въ одной душѣ“.*)

Пламенная, святая любовь, горящая въ сердцѣ истиннаго христіанина, чувствуется и отражается въ самомъ лицѣ, взорѣ, движеніяхъ его. Ее чувствуютъ не только люди, но даже животныя. Какъ много есть сказаній въ житіяхъ святыхъ о томъ, что дикіе звѣри приходили къ праведникамъ, получали отъ нихъ нищу и не только не трогали ихъ, но побѣжденные ихъ любовію, ласкались къ нимъ,

*) Ibid., стр. 411. Эту мысль о противоположности милосердія и правосудія препод. Исаакъ Сиринъ оканчиваетъ слѣдующими словами, замѣчательными въ догматическомъ отношеніи: «Какъ зерно пещку не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ кускомъ золота, такъ требованіе правосудія Божія не выдерживаетъ равновѣсія съ милосердіемъ Божиимъ». Къ сожалѣнію, на эти слова не обращаютъ никакого вниманія наши официальные богословы, подпавшіе подъ вліяніе католическихъ и протестантскихъ суемудрыхъ богослововъ, ломающихъ головы надъ рѣшеніемъ вопроса о взаимоотношеніи божественнаго милосердія и правосудія. — Замѣчательно что, подобно св. Исааку, мыслилъ о Богѣ и великій Саровскій старецъ Серафимъ. «Въ своихъ покойныхъ запискахъ онъ признаетъ Бога въ отношеніи Его къ тварямъ только милосердымъ и любвеобильнымъ и какъ бы совершенно отрицаетъ въ Немъ правосудіе. Это и неудивительно. Если ужъ люди пламенѣли такою любовію, что скорбѣли и молились даже о помилованіи нечистыхъ духовъ, то уже ли Богъ не поднялся выше грѣшниковъ, которые любятъ только любящихъ ихъ?» (Лук. VI, 32).

слушались ихъ и по смерти ихъ предавались страшной тоскѣ. Прекрасно изображено это чудное свойство смиренной любви въ словахъ того-же преп. Исаака Сирина: „Смиреномудрый *любитъ всѣхъ*, и *его всѣ любятъ*... Приближается-ли смиреномудрый къ губительнымъ звѣрямъ? Едва только обратятъ взоръ свой на него, укрощается свирѣпость ихъ: они подходятъ къ нему, какъ къ своему владыкѣ, попираютъ своими главами, лжуютъ руки и ноги его, потому что ощутили отъ него то благоуханіе, какое исходило отъ Адама до его преступленія, когда звѣри собраны были къ Адаму и нарекалъ онъ имъ имена въ раю. Это отнято было у насъ, но обновилъ и даровалъ намъ сіе снова пришествіемъ Своимъ Иисусъ. Сими-то и помазано благоуханіе человѣческаго рода. Приближается-ли также смиреномудрый къ смертоноснымъ гадамъ? Едва только приблизится ощущеніе руки его и коснется ихъ тѣла, прекращается ѣдкость и жестокость смертоносной ихъ горечи, и своими руками сжимаетъ ихъ, какъ саранчу. Приближается-ли онъ къ людямъ? И внимаютъ ему, какъ Господу. И что говорю о людяхъ? Даже демоны, при всей наглости и досадѣ своей, при всей высокоумности своего мудрованія, когда приходятъ къ нему, дѣлаются какъ прахъ; вся злоба ихъ теряетъ силу, разрушаются козни ихъ, бездѣйственными остаются злоухищренія ихъ“.*)

А посмотрите, какою невыразимой духовной красотой сіяютъ лица такихъ христіанъ! Какъ будто то чудесное преображеніе, которое обѣщано людямъ въ будущемъ вѣкѣ по подобію Преобразившагося на Оаворѣ, началось для нихъ уже въ сей жизни. Какими мягкими чертами отличаются ихъ лица; какая нѣжная любовь свѣтится въ ихъ очахъ; какимъ блаженнымъ упокоеніемъ въ Богъ вѣетъ отъ всѣхъ ихъ поступковъ! Ихъ свѣтлый, сочувственный жъ взоръ, ихъ ласковое, задумчивое, доброе слово льютъ въ сердца людей покой, миръ и надежду. Всякій, входящій къ такому подвижнику любви, чувствуетъ, какое доброе, нѣжное, внимательное, „милующее“ сердце обьется въ его груди. И это сердце готово всякаго съ любовію принять, обнять, утѣшить, одобритъ. Такой человекъ готовъ съ радостью быть печальникомъ предъ сильными міра за угнетенныхъ, подавленныхъ и обиженныхъ; готовъ отдать свой послѣдній кусокъ хлѣба неимущему; готовъ, служа больнымъ, согрѣвать своимъ тѣломъ покрытыхъ страш-

* Ibid., стр. 236—237.

ной проказой. „Я желалъ бы найти прокаженного и взять у него тѣло его, а ему дать свое“, — говорилъ, напр., авва Агафонъ. Этою святою любовію, проникающей все существо чловѣка, должны быть полны всѣ христіане; она должна одухотворять собою всю Церковь христіанскую; она должна соединить всѣхъ послѣдователей Христа, всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Него — въ одно цѣлое, сдѣлать ихъ всѣхъ какъ бы однимъ существомъ. „Не о нихъ (не объ апостолахъ) только молю, — взывалъ къ Отцу Своему Спаситель нашъ, — но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино, да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ, да будетъ едино, какъ Мы едино. Я въ нихъ и Ты во Мнѣ да будутъ совершены во едино и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня“ (Іоан. XVII, 20—23).

И первые проповѣдники вѣры Христовой, св. апостолы, дѣйствительно, имѣли великое утѣшеніе видѣть осуществленіе на землѣ этого, полного любви, единенія христіанъ. „У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“, — такъ повѣствуется въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ (IV, 32). „Всѣ вѣрующіе, — говорится въ той же книгѣ, — были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. И каждый день единомысленно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хвала Бога и находясь въ любви у всего народа“ (Дѣян. II, 44—47). Такъ жили истинные христіане въ вѣкъ апостольскій. Такую же жизнь, такое же совершенное единеніе видѣли и послѣдующіе христіане, но видѣли уже не вездѣ, не среди самихъ себя, а только въ пустыняхъ среди великихъ подвижниковъ. Изображая богоподобную жизнь пустынниковъ, составившихъ тѣсное общество, напоминавшее, по простотѣ и глубинѣ любви, Церковь первенствующихъ христіанъ, св. Василій Великій говоритъ: „Возлюбивъ общеніе и совокупную жизнь, возвращаются они къ тому, что по самой природѣ хорошо. Ибо совершеннѣйшимъ я называю общеніе жизни, изъ котораго исключена собственность и имущества, изгнана противоположно сть расположеній; въ которомъ всѣмъ корнемъ

истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры, все же общее: и души, и расположенія, и тѣлесныя силы, и что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему; въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы: въ которомъ многіе составляютъ одно, и каждый не одинъ, но въ ряду многихъ. Люди, собравшіеся изъ разныхъ странъ и племенъ, привели себя въ такое совершенное тождество, что во многихъ тѣлахъ видится одна душа и многія тѣла оказываются орудіями одной воли. Немоцной тѣломъ имѣеть у себя многихъ состраждущихъ ему расположеніемъ; больной и упадающій душою имѣеть у себя многихъ врачующихъ. Они въ равной мѣрѣ и рабы и господа другъ другу, и съ непреоборимой свободой взаимно оказываютъ одинъ предъ другимъ рабство. Богу угодно было, чтобы мы были таковыми и въ началѣ; для этой цѣли Онъ и сотворилъ насъ. И они-то, изглаждая въ себѣ грѣхъ праотца Адама, возобновляютъ первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни раздѣленія, ни раздоровъ, ни войны, *еслибы грѣхъ не разсѣкъ вестества*.*) Создавая людей, Богъ желалъ, чтобы весь родъ человѣческой, подобно Тріипостасному Богу, былъ единымъ по существу, но множественнымъ по лицамъ. Эта Божественная мысль была разстроена свободной волей человѣка, уклонившагося отъ добра и избравшаго зло. Вошедшій въ міръ грѣхъ „разсѣкъ вестество“, ввелъ въ души человѣческую ложное сознаніе противоположности личностей, внесъ вражду и раздоры. Явившійся въ міръ Христосъ возвѣстилъ людямъ забытую ими, почти невѣдомую имъ истину о единствѣ ихъ существа, указалъ путь и даже далъ благодатныя средства къ возстановленію этого богоподобнаго единенія людей. Первенствующіе христіане отразили въ своей жизни это дивное богоподобіе. Жизнь послѣдующихъ христіанъ уже уклонилась отъ этого идеала, и богоподражательная любовь стала горѣть лишь въ пустыняхъ и отдаленныхъ обителяхъ. Нынѣ же эту любовь мы можемъ встрѣтить лишь въ сердцахъ рѣдкихъ, единичныхъ людей. Но благодареніе Богу и за то, что Церковь Его никогда еще не оскудѣвала совершенно великими подвижниками пламенной, снѣдающей любви. Правда, теперь мало ихъ, но они есть; и благодаря имъ Церковь христіанская является великой, животворной, просвѣтительной силой на землѣ, шлетъ

*) Св. Василій Вел. Творенія, т. V, стр. 389—390.

лучи святой любви среди людей, простирает свое благотворное влияние и на языческія общества и мірскія учрежденія. Это влияние Церкви на общество незамѣтно переносилось и нынѣ переносится или изъ пустыни или изъ келліи, или изъ глухой деревни главнымъ образомъ тѣми людьми, которые посѣщали истинныхъ, полныхъ вдохновенной любви христіанъ съ нарочитою цѣлью получить отъ нихъ или религіозно-нравственное назиданіе, или утѣшеніе въ несчастіи, или благой жизненный совѣтъ, или, наконецъ, исцѣленіе отъ тѣлесныхъ недуговъ. Подъ этимъ влияніемъ улучшались общественныя и семейныя нравы, вводились и прививались нравственныя начала въ жизнь и государствъ — или сами собой, или рукою тѣхъ царей и сильныхъ міра тѣсего, которые взирали на любвеобильныхъ членовъ Церкви Христовой, какъ на своихъ наставниковъ и руководителей. Сильное этими любвеобильными подвижниками, христіанство ослабило въ мірѣ жестокость, обуздало страсти, заклеимило позоромъ самоубійство, уничтожило безчеловѣчное дѣтоубійство. Благодѣтельное влияние Церкви Христовой и совершенныхъ въ любви отцовъ и учителей ея почувствовалось въ каждой области жизни, сказалось на всѣхъ классахъ людей. Она дала свободу рабамъ и защиту плѣнникамъ; она вызвала сочувственный уходъ за больными и заботу о сиротахъ; она вывела изъ униженія женщину и сердечнымъ попеченіемъ окружила нѣжные годы ребенка. Состраданіе, бывшее въ глазахъ язычниковъ порокомъ, она возвела въ добродѣтель. Считавшійся прежде презрѣннымъ, трудъ она признала средствомъ къ возвышенію и поддержанію духа. Она освятила бракъ, провозвѣстила ангельскую красоту и цѣломудрія, ублажила кротость, бывшую для язычниковъ предметомъ насмѣшекъ. По всему міру, гдѣ принято благовѣстіе Христово, она, хотя бы и немного, очищаетъ жизнь и возвышаетъ душу всѣхъ вообще и cadaго въ отдѣльности. Это благотворное влияние Церкви на жизнь людей сказывается, конечно, не въ одинаковой степени въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Нынѣ уже почти 2000 лѣтъ прошло со дни возвѣщенія Христомъ великой истины о животворной, святой любви. Плоды усвоенія единичными людьми этой высокой любви сказались на жизни всего челоуѣчества. Но само-то челоуѣчество все-таки и доселѣ чуждо этой совершенной любви. Правда, подъ влияніемъ святыхъ, любвеобильныхъ мужей современнѣйшій намъ родъ челоуѣческій ухватился за идею благо-

творительности и сосдалъ на землѣ всевозможныя, такъ называемыя „благотворительныя“ и „просвѣтительныя“ учрежденія. Теперь ежеминутно раздаются во всѣхъ сферахъ рѣчи о быстромъ ходѣ и ростѣ общественной благотворительности, о тѣхъ крупныхъ пожертвованіяхъ, которыя сдѣланы въ пользу того или иного учрежденія. Вездѣ приводятъ въ примѣръ Англію, Америку и Францію, гдѣ подобная благотворительность достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Многие готовы принять ростъ внѣшней общественной благотворительности за развитіе христіанства; готовы оцѣнивать и измѣрять свою христіанственность размѣромъ и количествомъ своихъ пожертвованій. Но, увы, благотворительность, дѣйствительно, растетъ, деньги собираются, зданія строятся, но любви, *любви-то* все еще нѣтъ. Любви, какъ живого, глубокаго чувства, — любви, какъ господствующаго настроенія въ чловѣческомъ сердцѣ, мы ни въ комъ среди насъ не видимъ. Напротивъ, мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что съ каждымъ поколѣніемъ, даже съ каждымъ годомъ люди становятся все суше, холоднѣе, черствѣе. Будемъ-ли мы удивляться такому явленію, такому нравственному регрессу, или вырожденію?

„Время близъ есть“. „Ей, гряду скоро!“ вѣщаетъ Христосъ, ожидая той недалекой эпохи, когда „по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь“. (Апок. 22, 20. Мѣ. 24, 12).

Святи. А. Юрьевскій.